

Более тридцати человек вели трехлетний поиск материалов о камчатском летчике тридцатых годов, участнике Великой Отечественной войны, комсомольце Федоре Пудове.

КТО ТАКОЙ ФЕДОР ПУДОВ?

В личном деле, находящемся в архиве Дальневосточного управления гражданской авиации, сохранилась автобиография, написанная 17 марта 1938 года. Из нее мы узнаем, что Федор родился в 1917 году, а в скобках поясняет: «Метриков не имею, по справке врача». Место рождения е. Кандереп Волотинского района Новосибирской области. Сведения о родителях, которые были неграмотными крестьянами - бедняками, сообщает со слов родного брата отца. В 1917 году отец пропал без вести, а в 1921 году умерла мать, оставив троих детей. Старший брат и сестра ушли батрачить.

«А меня взяла чужая тетя к себе в дом... Я не учился, т. е. не умею читать, как и чужая. В 1927 году я бросил дом тетни, убежал от нее по причине плохого отношения ко мне и влился в семью беспризорников. Беспризорничал целый год, не имея угла, где мог бы пристроиться...».

Несмотря на трудное время, молодое советское государство заботилось о детях. Федю, как и других мальчишек - беспризорников, поймали и отправили в Томский детдом, где он стал учиться. Одновременно в мастерских детдома бапожничал и столарничал. Стал пионером, окончил 4 класса.

Дядя, родной брат отца, который жил в Москве и работал старшим кондуктором на железной дороге, узнал, что племянник в детдоме, взял его к себе.

В Москве Федя закончил школу ФЗУ и стал работать фрезеровщиком на заводе имени М. И. Калинина, сразу же вступил в комсомол.

Детальный, общительный, с открытым характером и приветливой улыбкой, Федор привлекал к себе окружающих. Был организатором добрых дел среди молодежи. Являлся пропагандистом, он вел работу среди товарищей по изучению Конституции страны, на общественных началах заведовал передвижной библиотекой в цехе.

Юных вулканов, горячих источников. Хотелось работать и работать и отдавать свои молодые силы и знания этому краю энотики и романтики. А работы был непочатый край! Пилоты выполняли и перевыполняли производственные задания и планы, о чем говорят благодарности и Почетные грамоты от Камчатского облисполкома и командования отряда. У Федя Пудова в личном деле было запаса-

рапорт на имя командира и получает отпуск продолжительностью девять месяцев. Видимо, молодой пилот собирался съездить в Сибирь, где у него было много родственников. Наверное, хотел навестить в Москве старого дядю и доехать на южный берег Черного моря, где любил отдыхать более старшие по возрасту пилоты. Какой интересный отдых предостоял молодому, 24-х лет, нему пилоту с Камчатки!

целестремленный, опытный, требовательный к себе и подчиненным пилот, Федор принимал активное участие в оказании помощи фронту.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ жизнь Федора Михайловича — это работа по разгрому врага: в 1943 — 44 гг. он — пилот, а с февраля 1944 года — командир корабля ЛП-2. В апреле 1944 года Федор Михайлович откомандирован в авиацию дальнего дейст-

визировать, опытный, требовательный к себе и подчиненным пилот, Федор принимал активное участие в оказании помощи фронту.

ру, словно чувствуя вину перед ней, сказал: «Ты у меня храбрая. Умная. Все будет хорошо... Вот только надо придумать, где их укрывать». Легко сказать — «придумать». Небось, не иголка, не коробка серникова. Где? В самом деле, где?.. Иначе — гибель всем! Она придумала. В их саду у старой вишни есть колодец. Туда! Ну, конечно же. Надо выдолбить в стене колодца нишу, и тогда

во высоко оценило подвиг супругов Гула, наградив каждого из них орденом Отечественной войны II степени и медалью «Партизану Венгрии».

СНОВА В СТРОЮ

Что известно о судьбе Федя Пудова? В архивной справке Министерства обороны СССР сообщается о том, что старший лейтенант Ф. М. Пудов в ночь 15. 9. 1944 года не вернулся с боевого

За боевые отличия Ф. М. Пудов награжден орденом Отечественной войны I-й степени. Анатолий Финаков, отвечая на просьбу венгерских патриотов супругов Гула, сообщил:

Много еще боевых вылетов совершил старший лейтенант Федор Пудов, возвратившись в свой родной полк. Несмотря на то, что корабль подвергся нападению врага — фашистской эскадрильи, Федор Пудов точно по военным объектам кинул свои бомбы.

17 июля. Прошло чуть больше двух месяцев после Победы... ..НО ГОРОД СПАСЕМ

Мы встретились с бывшим командиром эскадрильи В. П. Крамчаниновым, который был в составе экипажа Федора Пудова в тот трагический день 17 июля. Он вспоминал:

Наш последний с ним вылет 17 июля 1945 года был трагичным. Мы выполняли задание командования. Я был в задней кабине бомбардировщика Б-25 (Бойнга). После взлета, в наборе высоты, я заметил сначала, что у нас горел правый двигатель, и доложил об этом командиру Ф. М. Пудову. Он ответил: «Понял». А далее, видимо, отказали оба двигателя, потому что с высоты 150 метров мы пошли и

Помню сильный удар о землю (мы успели перелететь через железную дорогу Брест—Сарны). Самолет разломился пополам. Хвостовой частью самолета меня отшвырнуло в сторону от горящего самолета. Кустарник немного амортизировал, и я остался жив.

Это случилось в Западной Белоруссии над населенным пунктом, через который проходил железный дорожный путь Брест—Сарны. Видимо, командир Пудов не хотел, чтобы пострадали мирные жители, поэтому он и старался перелететь горящий самолет через линию железной дороги, тем самым отвести беду.

Свидетель катастрофы М. В. Жуманов рассказывал:

Прошел Федор над озером с зафлюгированным левым двигателем: ничего особенного, есть такое управление в проверках. Идет вторым заходом — зафлюгированы оба двигателя, а высота метров 300. Решаем, что это уже что-то не то! Быстро одеваемся, а Федор со снижением уходит за аэродром, в сторону большого лесного массива. Матров за 200 от места катастрофы — большая луговина — видимо, он тянул туда.

Уже на бегу видим — столб дыма над лесом. Добежав до гарнизона, застали готовящуюся к отъезду машину: вскопши в кувос, помчались к месту падения самолета. Могучий сосновый бор вырублен просеком, начиная с верхушек сосен и ниже, ниже, ниже... там... доругают обломки машины. В обломках трое: штурман и два молодых летчика. Федора выбросило чуть раньше. Крамчанинов и Астаханцев в отравленной хвостовой части.

Федор еще был жив, у него сильно повреждена

правая лобная часть головы выше глаза, он в сознании и тянется правой рукой как бы поправить волосы, мы не даем этого сделать и несем его к машине. Он тревожно спрашивает: «А как же теперь Лариска?»

Уложили, вернулись за Крамчаниновым и Астаханцевым.

По дороге в госпиталь скончался Федор... Довезли одного Виктора Крамчанинова.

ОДНОПОЛЧАНЕ Ф. М. Пудова и ветераны войны, проживающие в г. Барановичи, сообщили о том, что прах Федора Михайловича и его экипажа перенесен на городское кладбище и похоронен в братской могиле. В торжественные дни приходят к памятнику ветераны войны, комсомольцы, пионеры, октябры и жители города, чтобы почтить память воинов и возложить на могилу живые цветы.

В только что полученном нами письме из Киева В. П. Крамчанинов пишет: празднование 40-летия Великой Победы он, вместе с супругой, будет встречать в Барановичах. От могилы Неизвестного солдата в Киеве взял священной земли на могилу боевых товарищей Федора Пудова и его экипажа, из которого один он остался в живых.

Так прожил свои последние 28 лет Федор Михайлович Пудов, камчатский пилот 30-х годов, первопроходец воздушных трасс полуострова, храбрый защитник родной земли.

К. Г. МУРАТОВА, общественный директор музея Камчатского авиапредприятия.

НА СНИМКАХ: Федор Пудов (1938 год); сыновья матушки Гула (крайний слева Федор); матушка Гула со своими детьми; ветеран Камчатского авиапредприятия А. Я. Дерешев рассказывает молодым авиаторам, комсомольцам Юрию Иванову, Валерию Назарову и Александру Плюсину о Федоре Михайловиче Пудове

Фото из архива музея и Виктора ГУМЕНЮКА.

Вероятнее всего, Федор Михайлович беспокоился о судьбе малолетней тогда его дочери Ларисы. 1940 года рождения, которую мы до сих пор не можем разыскать.

СЛАВНЫЙ СЛУЖБАМЧАТКИ

но несколько благодарностей за выполнение заданий, за находчивость, проявленную в трудных условиях. И лишь одно замечание — за прилет после захода солнца. Техника того времени была несовершенна: самолет не имел ни радио, ни электрооборудования, у пилота не было связи с землей, поэтому в целях безопасности запрещались полеты и посадки после захода солнца.

Большие изменения произошли в характере Федя. Командир отменяет в характеристике — зачеты по техникуму едал только на «отлично», пользуется авторитетом среди личного состава, требователен к себе и подчиненным. Энергичен, решителен, инициативен. И делает вывод: после прохождения тренировки в УТО подлежит переводу в III класс. В свидетельстве об окончании краткосрочных курсов в Хабаровске оценки только «отлично» и «хорошо». И Федю, пилота IV класса, переводят в III класс.

И в личной жизни Федя произошли большие изменения. Весной, когда была распушца и самолеты не летали, летчик приехал за невестой на тракторе. Вера с родителями, был взбужден этой необычной новостью. Через год у молодой четы родилась дочь Лариса. Став семейным человеком, мужем и отцом, Федя, будущий комсомолец, активно продолжал вести в отряде общественную работу. Он — умелый организатор коллектива, пропагандист, пользуется авторитетом среди личного состава. Командир отряда отмечает: «Умеет организовать и обеспечить проведение в жизнь мероприятий, постановлений на выполнение производственных задач». Федора Михайловича хорошо знают в торговле ВЛКСМ г. Петропавловска. Летом 1940 года по просьбе горкома комсомола Федя, уже будучи семейным, был откомандирован в распоряжение комсомола для работы с пионерами.

Он работает начальником пионерского лагеря профсоюза рыбаков. И только в связи с отзывом и направлением Федора Михайловича на подготовку ему пришлось оставить работу с пионерами.

После переподготовки Федя, получив повышение в классе, продолжает летать, но летает мало. Техники на Камчатку поступает все еще недостаточно. А он рвется в небо. Федор Михайлович просит перевести его в Хабаровск, где много машин и он сможет совершенствовать свое летное мастерство.

Уже три года работает он без отпуска. Пишет

ИСПЫТАНИЕ

КАК гром среди ясно-го неба прогремели грозные слова: «Война!». Время суровое, время грозное. Пилот спешит вернуться на Камчатку, в свой отряд. В день возвращения он сразу же приехал на аэродром Халактырка. Кратко, по-военному рапортовал:

«Я прибыл в отряд из отпуска 1 августа 1941 г. в 8 часов утра и могу приступить к своим прямым обязанностям. Ф. Пудов». И сразу же приступил к работе.

Федор Михайлович летает. Теперь он имеет свой производственный план, который не только выполняет, но и перевыполняет, экономит горючее, получает благодарности. Работа по заданиям самая разная. Далеко от фронта Камчатка, но и здесь, в тылу, тоже фронт, только трудовой по имю Победы над ненавистным врагом.

Федя рвется на фронт. Пишет рапорты Сталину, но ответ приходит с отказом: нужен на Камчатке! Федю не успокаивал такой ответ и он снова пишет рапорт. Ответ — прежний.

Несмотря ни на что, Федор Михайлович стремится достичь поставленной цели — попасть на фронт. Наконец лапачная запись:

«Пудова Ф. М., пилота III класса, с 30 июня 1943 года откомандировать в г. Баку в летный центр».

После прохождения переподготовки в летном центре г. Баку Федор Михайлович сразу ушел на фронт.

Из характеристики, написанной командиром отряда перед отправкой Федора Пудова в летный центр, узнаем, что это был возмужавший, волевой,

визировать, опытный, требовательный к себе и подчиненным пилот, Федор принимал активное участие в оказании помощи фронту.

Из писем, воспоминаний друзей, товарищей, старших командиров известно, что камчатский пилот совершал боевые вылеты на бомбометание в глубокий тыл врага. Это были 1944 — 45 годы, когда наши войска, сокрушая немецко-фашистских захватчиков, успешно продвигались вперед, на запад.

Об одном из ночных вылетов экипажа Ф. М. Пудова рассказывает очевидец — командир другого бомбардировщика Анатолий Финаков, друг Пудова:

«Нашему соединению была поставлена задача бомбардировать важные военные объекты гитлеровцев на территории Венгрии. Вдруг перед самой целью прямо по курсу я увидел истребитель, затем — огненную трассу правее нашей машины и одновременно услышал возмужавший голос своего стрелка:

«Товарищ командир, справа горит машина! Объятый пламенем, правее нас падает самолет. «Неуемли Пудов!» — с болью в сердце подумал я. В эту ночь экипаж старшего лейтенанта Пудова не вернулся с боевого задания. Мы все волюновались за судьбу наших боевых товарищей».

Об этом же эпизоде вспоминает бывший командир эскадрильи Александр Иванович Сукорин:

Онаывается на боевом курсе в самолет БИ-25 Ф. М. Пудова пришелся залп ПВО. Девятого, Пудов был собит, нация оказалась на земле. В радость врагам он упал в расползновение зенитной батареи гитлеровцев. Взрывная волна опустила пилота на землю без переломов и с не раскрякившими парашютом. Федор Михайлович пришел в себя, когда фамат ему руки.

С НАЧАЛА Федора вместе с другими советскими летчиками держали в тюрьме в Будапеште. Допросы, пытки. Затем его перевели в конц-

на патрулей, эти ноги. А наш... извешенный... наведга... индеевном бе...

«Я прибыл в отряд из отпуска 1 августа 1941 г. в 8 часов утра и могу приступить к своим прямым обязанностям. Ф. Пудов». И сразу же приступил к работе.

Федор Михайлович летает. Теперь он имеет свой производственный план, который не только выполняет, но и перевыполняет, экономит горючее, получает благодарности. Работа по заданиям самая разная. Далеко от фронта Камчатка, но и здесь, в тылу, тоже фронт, только трудовой по имю Победы над ненавистным врагом.

Федя рвется на фронт. Пишет рапорты Сталину, но ответ приходит с отказом: нужен на Камчатке! Федю не успокаивал такой ответ и он снова пишет рапорт. Ответ — прежний.

Несмотря ни на что, Федор Михайлович стремится достичь поставленной цели — попасть на фронт. Наконец лапачная запись:

«Пудова Ф. М., пилота III класса, с 30 июня 1943 года откомандировать в г. Баку в летный центр».

После прохождения переподготовки в летном центре г. Баку Федор Михайлович сразу ушел на фронт.

Из характеристики, написанной командиром отряда перед отправкой Федора Пудова в летный центр, узнаем, что это был возмужавший, волевой,

визировать, опытный, требовательный к себе и подчиненным пилот, Федор принимал активное участие в оказании помощи фронту.

Из писем, воспоминаний друзей, товарищей, старших командиров известно, что камчатский пилот совершал боевые вылеты на бомбометание в глубокий тыл врага. Это были 1944 — 45 годы, когда наши войска, сокрушая немецко-фашистских захватчиков, успешно продвигались вперед, на запад.

Об одном из ночных вылетов экипажа Ф. М. Пудова рассказывает очевидец — командир другого бомбардировщика Анатолий Финаков, друг Пудова:

«Нашему соединению была поставлена задача бомбардировать важные военные объекты гитлеровцев на территории Венгрии. Вдруг перед самой целью прямо по курсу я увидел истребитель, затем — огненную трассу правее нашей машины и одновременно услышал возмужавший голос своего стрелка:

«Товарищ командир, справа горит машина! Объятый пламенем, правее нас падает самолет. «Неуемли Пудов!» — с болью в сердце подумал я. В эту ночь экипаж старшего лейтенанта Пудова не вернулся с боевого задания. Мы все волюновались за судьбу наших боевых товарищей».

Об этом же эпизоде вспоминает бывший командир эскадрильи Александр Иванович Сукорин:

Онаывается на боевом курсе в самолет БИ-25 Ф. М. Пудова пришелся залп ПВО. Девятого, Пудов был собит, нация оказалась на земле. В радость врагам он упал в расползновение зенитной батареи гитлеровцев. Взрывная волна опустила пилота на землю без переломов и с не раскрякившими парашютом. Федор Михайлович пришел в себя, когда фамат ему руки.

С НАЧАЛА Федора вместе с другими советскими летчиками держали в тюрьме в Будапеште. Допросы, пытки. Затем его перевели в конц-

визировать, опытный, требовательный к себе и подчиненным пилот, Федор принимал активное участие в оказании помощи фронту.

Из писем, воспоминаний друзей, товарищей, старших командиров известно, что камчатский пилот совершал боевые вылеты на бомбометание в глубокий тыл врага. Это были 1944 — 45 годы, когда наши войска, сокрушая немецко-фашистских захватчиков, успешно продвигались вперед, на запад.

Об одном из ночных вылетов экипажа Ф. М. Пудова рассказывает очевидец — командир другого бомбардировщика Анатолий Финаков, друг Пудова:

«Нашему соединению была поставлена задача бомбардировать важные военные объекты гитлеровцев на территории Венгрии. Вдруг перед самой целью прямо по курсу я увидел истребитель, затем — огненную трассу правее нашей машины и одновременно услышал возмужавший голос своего стрелка:

«Товарищ командир, справа горит машина! Объятый пламенем, правее нас падает самолет. «Неуемли Пудов!» — с болью в сердце подумал я. В эту ночь экипаж старшего лейтенанта Пудова не вернулся с боевого задания. Мы все волюновались за судьбу наших боевых товарищей».

Об этом же эпизоде вспоминает бывший командир эскадрильи Александр Иванович Сукорин:

Онаывается на боевом курсе в самолет БИ-25 Ф. М. Пудова пришелся залп ПВО. Девятого, Пудов был собит, нация оказалась на земле. В радость врагам он упал в расползновение зенитной батареи гитлеровцев. Взрывная волна опустила пилота на землю без переломов и с не раскрякившими парашютом. Федор Михайлович пришел в себя, когда фамат ему руки.

С НАЧАЛА Федора вместе с другими советскими летчиками держали в тюрьме в Будапеште. Допросы, пытки. Затем его перевели в конц-

ЗДРАВСТВУЙ, МИР!

И вот наступил этот долгожданный день — 9 мая 1945 года. Ликовал весь народ, вся страна — от края и до края. И вместе со всеми и Федор Пудов. И в этот же день, 9 мая 1945 года, вместе со своими боевыми товарищами по приказу командира спешил Федор в Москву на празднование Дня Победы.

9 мая без подготовки, — вспоминает командир авиаэскадрильи А. Н. Сукорин, — с переходом от боя на световые ракеты спешат бомбардировщики, чтобы к 10 часам вечера быть в небе Москвы. Это почетное право было предоставлено самым отважным пилотам.

Боевой друг Федора М. В. Жуманов в своем письме сообщает:

«Этот незабываемый день, так щедро подаренный судьбой нашему полку, был и самым счастливым днем Федора — он как-то особенно был возбужден и светился весь этой радостью.

После салюта нам дали три дня на знакомство с Москвой. Что творилось в эти дни в Москве — описать почти невозможно. Ликованию не было границ».

Победа! Победа! Легкокрылой птицей это долгожданное слово пролетело по всей стране и долетело до Камчатки.

И Федя мог бы вернуться на Камчатку.

Но судьба не уберегла Федю.

Справка Министерства обороны СССР:

«Старший лейтенант Ф. М. Пудов, будущий командир самолета 352 авиационного полка дальнего действия, 17 июля 1945 года погиб при катастрофе самолета».

Январь 1945 года, метель. Не летаем. Поехал на полутной машине навестить в госпитале товарища, Килонетра в двух от ИПП гарметрах увидел в пурге идущего навстречу человека.

Поразившись с ним, в величайшей радостью и изумлением узнал Федора — это был он! Одет Федя был необычно: за плечами тошечный рюкзак, красные желтые тельняшки сапоги, зеленая английская шинель (подарил англичан — у нас в дивизии еще такой формы не встречались), было очень забавно видеть Федора в этой амуниции. Выскочив из машины, мы обнялись, закружились в пурге, не давая сказать друг другу все, что надо было.

Упросил шофера вернуться обратно, объяснив ему, что это. Через 10—15 минут мы были уже в полку. И тут тут началось! Сбежалась дивизия, радостные крики, объятия, рукопожатия. Тут же заставили Федора рассказывать о случившемся, и так — за полночь, пока кто-то не вспомнил, что гери надо нанормить. Гурбой двинулись в столовую... Наконец, страсти улеглись. Вскоре Федору дали новую машину, экипаж, и он быстро, как-то даже незаметно включился снова в боевую работу.

Командир авиаэскадрильи А. Н. Сукорин вспоминает о возвращении Федора Пудова:

— Вернулся ветеран из боя, из плена, с двумя победами из концлагерей, и снова был готов к бою с врагом. Не на отдых, а в бой бросился Федя. И он бомбил и бомбил врага. Боевали с ожесточением. Вылаживали за все и сполна.

ЗДРАВСТВУЙ, МИР!

И вот наступил этот долгожданный день — 9 мая 1945 года. Ликовал весь народ, вся страна — от края и до края. И вместе со всеми и Федор Пудов. И в этот же день, 9 мая 1945 года, вместе со своими боевыми товарищами по приказу командира спешил Федор в Москву на празднование Дня Победы.

9 мая без подготовки, — вспоминает командир авиаэскадрильи А. Н. Сукорин, — с переходом от боя на световые ракеты спешат бомбардировщики, чтобы к 10 часам вечера быть в небе Москвы. Это почетное право было предоставлено самым отважным пилотам.

Боевой друг Федора М. В. Жуманов в своем письме сообщает:

«Этот незабываемый день, так щедро подаренный судьбой нашему полку, был и самым счастливым днем Федора — он как-то особенно был возбужден и светился весь этой радостью.

После салюта нам дали три дня на знакомство с Москвой. Что творилось в эти дни в Москве — описать почти невозможно. Ликованию не было границ».

Победа! Победа! Легкокрылой птицей это долгожданное слово пролетело по всей стране и долетело до Камчатки.

И Федя мог бы вернуться на Камчатку.

Но судьба не уберегла Федю.

Справка Министерства обороны СССР:

«Старший лейтенант Ф. М. Пудов, будущий командир самолета 352 авиационного полка дальнего действия, 17 июля 1945 года погиб при катастрофе самолета».

Январь 1945 года, метель. Не летаем. Поехал на полутной машине навестить в госпитале товарища, Килонетра в двух от ИПП гарметрах увидел в пурге идущего навстречу человека.

Поразившись с ним, в величайшей радостью и изумлением узнал Федора — это был он! Одет Федя был необычно: за плечами тошечный рюкзак, красные желтые тельняшки сапоги, зеленая английская шинель (подарил англичан — у нас в дивизии еще такой формы не встречались), было очень забавно видеть Федора в этой амуниции. Выскочив из машины, мы обнялись, закружились в пурге, не давая сказать друг другу все, что надо было.

Упросил шофера вернуться обратно, объяснив ему, что это. Через 10—15 минут мы были уже в полку. И тут тут началось! Сбежалась дивизия, радостные крики, объятия, рукопожатия. Тут же заставили Федора рассказывать о случившемся, и так — за полночь, пока кто-то не вспомнил, что гери надо нанормить. Гурбой двинулись в столовую... Наконец, страсти улеглись. Вскоре Федору дали новую машину, экипаж, и он быстро, как-то даже незаметно включился снова в боевую работу.

Командир авиаэскадрильи А. Н. Сукорин вспоминает о возвращении Федора Пудова:

— Вернулся ветеран из боя, из плена, с двумя победами из концлагерей, и снова был готов к бою с врагом. Не на отдых, а в бой бросился Федя. И он бомбил и бомбил врага. Боевали с ожесточением. Вылаживали за все и сполна.

ЗДРАВСТВУЙ, МИР!

И вот наступил этот долгожданный день — 9 мая 1945 года. Ликовал весь народ, вся страна — от края и до края. И вместе со всеми и Федор Пудов. И в этот же день, 9 мая 1945 года, вместе со своими боевыми товарищами по приказу командира спешил Федор в Москву на празднование Дня Победы.

9 мая без подготовки, — вспоминает командир авиаэскадрильи А. Н. Сукорин, — с переходом от боя на световые ракеты спешат бомбардировщики, чтобы к 10 часам вечера быть в небе Москвы. Это почетное право было предоставлено самым отважным пилотам.

Боевой друг Федора М. В. Жуманов в своем письме сообщает:

«Этот незабываемый день, так щедро подаренный судьбой нашему полку, был и самым счастливым днем Федора — он как-то особенно был возбужден и светился весь этой радостью.

После салюта нам дали три дня на знакомство с Москвой. Что творилось в эти дни в Москве — описать почти невозможно. Ликованию не было границ».

Победа! Победа! Легкокрылой птицей это долгожданное слово пролетело по всей стране и долетело до Камчатки.

И Федя мог бы вернуться на Камчатку.

Но судьба не уберегла Федю.

Справка Министерства обороны СССР:

«Старший лейтенант Ф. М. Пудов, будущий командир самолета 352 авиационного полка дальнего действия, 17 июля 1945 года погиб при катастрофе самолета».

Январь 1945 года, метель. Не летаем. Поехал на полутной машине навестить в госпитале товарища, Килонетра в двух от ИПП гарметрах увидел в пурге идущего навстречу человека.

Поразившись с ним, в величайшей радостью и изумлением узнал Федора — это был он! Одет Федя был необычно: за плечами тошечный рюкзак, красные желтые тельняшки сапоги, зеленая английская шинель (подарил англичан — у нас в дивизии еще такой формы не встречались), было очень забавно видеть Федора в этой амуниции. Выскочив из машины, мы обнялись, закружились в пурге, не давая сказать друг другу все, что надо было.

Упросил шофера вернуться обратно, объяснив ему, что это. Через 10—15 минут мы были уже в полку. И тут тут началось! Сбежалась дивизия, радостные крики, объятия, рукопожатия. Тут же заставили Федора рассказывать о случившемся, и так — за полночь, пока кто-то не вспомнил, что гери надо нанормить. Гурбой двинулись в столовую... Наконец, страсти улеглись. Вскоре Федору дали новую машину, экипаж, и он быстро, как-то даже незаметно включился снова в боевую работу.

Командир авиаэскадрильи А. Н. Сукорин вспоминает о возвращении Федора Пудова:

— Вернулся ветеран из боя, из плена, с двумя победами из концлагерей, и снова был готов к бою с врагом. Не на отдых, а в бой бросился Федя. И он бомбил и бомбил врага. Боевали с ожесточением. Вылаживали за все и сполна.

